

Паскаль Брюкнер

Триумф домашних тапочек

Паскаль Брюкнер
Триумф домашних тапочек.
Об отречении от мира
Серия «Studia Europaea»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72277678

*Паскаль Брюкнер «Триумф домашних тапочек. Об отречении от мира»:
Издательство Ивана Лимбаха; Санкт-Петербург; 2024
ISBN 978-5-89059-561-4*

Аннотация

Дом в наши дни – не просто убежище, это нечто большее: пространство, которое вытесняет и заменяет мир, кокон, который делает прорыв наружу излишним. В наш дом можно доставить почти всё. Зачем тогда выходить и разоблачать себя? Подобно Обломову, так и не сумевшему встать с дивана навстречу жизни, станем ли мы угасшими вялыми существами?

Цель этого эссе – исследовать менталитет отказа от деятельной жизни, понять его философские корни и исторические контуры. Никогда еще напряжение между желанием странствовать и вкусом к уединению не было таким сильным. А принудительное заключение, настоящий кошмар последних лет, похоже, для многих сменилось добровольной самоизоляцией. Нам грозит не тирания здоровья, а тирания сидячего образа жизни: станут ли тапочки и халат его новыми атрибутами?

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог. Случай Обломова	6
Глава 1. Четыре всадника Апокалипсиса	9
Глава 2. Банкротство Эроса?	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Паскаль Брюкнер

Триумф домашних тапочек.

Об отречении от мира

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2022

© Н. С. Мавлевич, перевод, 2024

© Клим Гречка, оформление обложки, 2024

© Издательство Ивана Лимбаха, 2024

* * *

Эрику и его маленьким бандитам

*Домашних тапок тихий шелк Сильнее грохота
сапог.*

Макс Фриш

Пролог. Случай Обломова

Обломов – помещик, живший в середине XIX века в своем имении под Санкт-Петербургом. Человек прямой и честный, он от рождения был наделен несчастной склонностью к апатии. И пребывал не столько в имении, сколько на своем диване, не столько на диване, сколько в просторном восточном халате и не столько в халате, сколько в домашних туфлях, «длинных, мягких и широких». У него было рыхлое тело, пухлые руки, движения смягчались «не лишенной грации ленью», большую часть времени проводил он в постели. Ходьба или стояние были для него лишь промежуточными стадиями между лежанием на кровати или же на диване. «Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате, где мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетом и приемной». Обломов – классический образец безвольного человека, которого тяготит само намерение что-то сделать. «Он как встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на диван, подопрет голову рукой и обдумывает, не щадя сил, до тех пор, пока, наконец, голова утомится от тяжелой работы и когда совесть скажет: довольно сделано сегодня для общего блага». Написание одного-единственного письма занимает у него недели или даже месяцы и превращается в сложную церемонию. Каждое решение требует огромных психологических затрат. Слуга его

Захар прикидывается покорным, а сам отлынивает от работы и запустил дом до полного безобразия. В иные дни Обломов забывает встать, продирает глаза к четырем часам пополудни и думает, что другой на его месте уже переделал бы уйму дел. Только представит себе такое – чувствует утомление и снова засыпает. В детстве Обломов был таким ангелочком, родители баловали его и лелеяли, как нежный цветок. Впрочем, жизнь его «началась с погасания». С первой минуты, как он «сознал себя», он почувствовал, что он «уже гаснет!»

Когда Штольц, друг Обломова, знакомит его с молодой девушкой, того охватывает паника. Одна мысль о том, чтобы жениться, выходить на люди, читать газеты, жить в обществе, ужасает его. Он влюбляется в прелестную Ольгу, которой поручено следить за тем, чтобы он не спал днем, подолгу гуляет с ней, но решиться на то, чтобы довести эти отношения до логического конца, не может. Она подтрунивает над ним, пытается отучить от привычки к дневному сну, упрекает в малодушии и лени. Называет его трусом и, в конце концов, отчаивается чего-либо добиться от человека, похожего на «ветхий изношенный кафтан». Обломов, не выдержав ее понуканий и нагрузки от кучи мелких дел, которые не в силах доделать, оставляет ее. В тридцать лет он «всё собирался и готовился начать жизнь». Такова его болезнь: безволие, сонливость и прокрастинация.

«Когда не знаешь, для чего живешь, так живешь как-ни-

будь, день за днем; радуешься, что день прошел, что ночь прошла, и во сне погрузишь скучный вопрос о том, зачем жил этот день, зачем будешь жить завтра». Неспособный любить, что-то предпринимать, куда-то ехать, он перестает выходить из дома и зарывается в подушки. Его управляющий, окружающие его люди бесстыдно его обирают, крадут его довольно скудные доходы от продажи урожая. Он перебирается на квартиру поплотнее, влюбляется в домохозяйку и позволяет ее брату облапошивать себя.

В «Обломове» много забавного, комического, но это лишь оболочка, по сути же перед нами трагическое описание полной атрофии жизненных сил. Чем дольше герой спит, тем больше нуждается в отдыхе. Он лишил себя подлинных радостей, зато избежал больших горестей. В нем «был заперт свет, который искал выхода, но только жег свою тюрьму, не вырвался на волю и угас». У него было желание, но не было сил, он никогда не мог идти вперед, потому что «идти вперед – это значит вдруг сбросить широкий халат не только с плеч, но и с души, с ума». Под конец жизни «он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками».

Глава 1. Четыре всадника Апокалипсиса

Почему вдруг мы вспомнили Обломова в 2022 году? Да потому что он – герой эпохи ковидного локдауна, Нетфликса и интернета и, вполне вероятно, станет героем постковидной эпохи. Лежащие на диване мужчины и женщины – такими были мы, такими были вы, вынужденные два года находиться в каком-то межеумочном состоянии. Пандемия сыграла двоякую роль: она обусловила и ускорила кристаллизацию исторического процесса, который начался задолго до ее наступления, благодаря ей утвердился всеобщий страх и парадоксальное удовольствие от жизни взаперти. А самоизоляция, вынужденная или добровольная, стала доступным для каждого способом существования, убежищем для хрупких душ. Роман Гончарова – быть может, не столько характеристика русской души, как с сожалением утверждал Ленин, сколько пророчество, адресованное всему человечеству, не столько развлекательное чтение, сколько предостережение. Великие книги бесконечно читают и перечитывают, потому что они проливают свет на события, которые, кажется, стали явными много позже, чем эти книги были написаны. И существует, по меньшей мере, две русских литературы: одна – литература сопротивления гнёту, это Борис Пастернак, Василий

Гроссман, Варлам Шаламов, Александр Солженицын, Светлана Алексиевич; другая – литература отчаяния и фатализма, причем обе зеркально отражают друг друга. Та и другая дают примеры неимоверного мужества перед лицом зла и покорности судьбе, даже любви к рабству (гению Достоевского удалось в равной степени передать обе тенденции). И обе они обладают несравненной провидческой силой.

Помимо того, что пандемия с ее санитарными мерами стала затянувшейся трагедией для миллиардов людей, она еще породила яростный спор между осторожностью и смелостью, между бродягами и домоседами, между покорителями новых земель и кабинетными исследователями. XXI век, начавшийся взрывами 11 сентября 2001 года, продолжается, принося в мир угрозу климатической катастрофы, непрекращающееся наступление коронавируса и, наконец, военные действия в Украине, затрагивающие всю Европу. Столько бедствий, обусловивших то, что можно назвать Великим Откатом. Для молодого поколения, которое выросло в сладостное мирное время, сулившее прочное благополучие (по крайней мере, так было в Западной Европе), и совершенно не подготовлено к лишениям, такая лавина несчастий оказалась затяжной травмой. Конец XX века – время, когда мир распахнулся в смысле нравов и путешествий. А потом это время закончилось: ни тебе свободного общения, ни свободного перемещения, всех заперли на замок. Миллиардерам предлагают космический туризм, но пересечь границу и просто

выйти из дому еще недавно было совсем не просто. Ковид зловещей кометой ворвался в западный мир, который перестал верить в будущее и предвидит, что его крушение продлится еще не один десяток лет. Коронавирус стал венцом этих тревожных ожиданий, скрепил их страшной печатью грозящей смерти. Но на самом деле он лишь проявил некоторые черты нашего мировоззрения.

Сегодня в Европе доминируют два идейных течения: с одной стороны, теория упадка цивилизации, с другой – теория катастроф, и у них есть общая точка: поиски способа выживания. Мы наблюдаем конкуренцию жутких сценариев, каждый из которых навязывает себя как единственно верный, а также конкуренцию вариантов конца света, причем они не отрицают, а дополняют друг друга; перед нами богатый выбор: смерть от болезни, от перегрева, от терактов или вражеских бомбардировок. Пародируя высказывание Черчилля о Балканах¹, можно сказать, что мы вот уже двадцать лет выдерживаем больший натиск истории, чем способны переварить. Может, это захватывающее время, но уж очень у него болезненная хватка.

Сколько людей на этом фоне восприняли возврат к нормальности как шок? Запреты сковывали их, а отмена запретов приводит в отчаяние. Не станут ли они жалеть об ужасе затворничества, которое искренне проклинали, пока их

¹ «Балканы производят больше истории, чем способны потреблять». *Примеч. пер.*

к нему принуждали? Они словно узники, которых выпустили из-за решетки: свобода тяготит их, она им горька. И они жаждут под любым предлогом снова уйти в затвор. Потому что технически оборудованная комната или дом – самодостаточный микрокосм. Но куда страшнее вынужденного локдауна добровольная самоизоляция от полного опасностей мира. Камера, которую мы выбрали сами, где нет ни стен, ни стражи, ни цепей. Тюремщик сидит у нас в голове. Такая жизнь в замедленном темпе чудесным образом ослабляет бремя обязанностей, которые налагает жизнь в обществе: ограниченные контакты, выход на улицу по лимиту, укороченные вечера, работа из дома без всякого начальства, жизнь в пеньюаре или в пижаме, дозволенная расхлябанность, приятная деградация. Нет больше никого, кто нас подталкивает извне и искушает, этот внешний Некто теперь далеко. Для многих сидение взаперти было удовольствием: комендантский час, маска-намордник, санитарные меры, полутораметровая дистанция – все это связывало нас, но также и предохраняло. От клаустрофобии, боязни замкнутого помещения, мы перешли к агорафобии, боязни открытого пространства. Пандемия встревожила нас, но она же освободила нас от еще большей тревоги – от забот, с которыми связана свобода. Пройдет несколько лет, и свобода, возможно, приобретет для нас терпкий вкус воспоминания или иллюзии.

Кто мог предположить, что значительная часть наших современников будет с умилением оглядываться на этот опыт

жизни в четырех стенах как на длинные каникулы!² Многие высказались за, так сказать, периодический локдаун или условное снятие ограничений. Огромное количество людей во Франции и во всей Европе не хотят возвращаться в офисы и предпочитают простую жизнь на природе, вдали от суеты большого города и превратностей Истории. С концом безмятежного существования восторжествовал дух отрицания. Люди ощутили тягу к сокращению: меньше потреблять, меньше тратить, меньше передвигаться; к негативным характеристикам: мы антиваксеры, антимасочники, антимясоеды, антиизбиратели, мы против атомной энергетики, против автомобилей, против санитарных пропусков. Впрочем, в медицинском контексте слово «отрицательный», то есть не зараженный СПИДом или ковидом, означает «здоровый», а слово «положительный» связано с грозящими недугами. Мир агонизировал еще до ковида, мы просто этого не знали. Да, толпы людей, сгорая от нетерпения, осаждают бары и рестораны, жаждут вернуться к жизни; туристы, одержимые страстью к перемене мест, рвутся в путешествия, наводняя вокзалы и аэропорты; народы выражают солидарность с жертвами войны, и это прекрасно. Жизнь бьет ключом, жизнь хлещет через край, иначе это не жизнь. Однако набравшее силу во время пандемии стремление изолироваться приобрело стратегическое преимущество. И наше будущее зависит от

² «Ces jeunes actifs qui regrettent déjà le confinement» [«Активные молодые люди уже сожалеют о локдауне»] // Les Echos. 2020. 22 mai. *Примеч. автора.*

напряжения между этими полюсами.

Наши противники – озлобленные славянофилы, радикальные исламисты, китайские коммунисты – кричат об упадке Европы, видя его признаки в засилье меньшинств, разнузданном материализме и растущей безрелигиозности. К диагнозу упадка уже давно склоняются и многие из нас, но симптомы видят в другом. Ни признание прав женщин и гомосексуалов, ни ослабление слепой веры, ни привычка к определенному комфорту сами по себе не являются факторами упадка, напротив, это скорее признаки цивилизации. Можно критиковать эксцессы эмансипации (такие, как воукизм), не отказываясь от нее самой. Кому хочется жить на Святой Руси Владимира Путина или по законам шариата в какой-нибудь арабо-мусульманской стране, не говоря о тоталитарном Китае Си Цзиньпина? Зато гарантированная законом защищенность, к которой привыкли граждане Западной Европы и особенно Франции, часто перерождается в хроническое недовольство и негодование: что бы ни сделало государство, этого всегда мало, какую бы помощь ни предоставило нам, это лишь способствует нашей слабости, заставляет нас путать неудобства с трагедией. Параллельно с увеличением прав снижаются обязанности, и нашим требованиям нет предела. Мне все всё должны, а я в ответ никому ничего не должен. Посмотрите на протесты и даже бунты строптивцев во время пандемии. Во имя свободы они отстаивали свое право делать, что и когда они хотят, и в то же время требо-

вали от властей, чтобы в случае опасности те о них позаботились. Отвяжитесь от меня, когда все хорошо, бегите на помощь, когда мне плохо. Сегодняшний больной больно нетерпелив, он возмущается, что медицина не всесильна («неизлечимый» – единственное неприличное слово в нашем лексиконе), и в то же время подозревает ее то в злом умысле, то в тайной корысти. Чем быстрее наука шагает вперед, тем яростнее ее ругают за несовершенство и отсталость: раз она лечит от стольких болезней, то почему не от всех? Нет никакого разумного объяснения, почему такое количество граждан со страшной силой воспротивилось как раз тому, что должно было если не спасти, то, во всяком случае, предохранить их, – вакцинации; обвиняло медиков во всех смертных грехах и чуть ли не грозило им расправой. Самые упертые продолжали проклинать вакцину, уже умирая на больничной койке от того, что не сделали вовремя спасительную прививку. Лучше смерть, чем прививка!

Судя по тому, как бранят «прошлую жизнь», можно подумать, что многие считают пандемию неким испытанием, моральным очищением. Некоторые круги общества, склонные к аскетизму и даже пуританизму, нашли в этом испытании подтверждение своих предрассудков. Конечно, никуда не денутся людные улицы, набитые поезда, всегда найдутся люди, движимые страстью к открытиям, к новым горизонтам. Но если возобладает гидра страха, то может победить другая тенденция: затворничества, изоляции. Когда чувствуешь

себя безоружным перед тем, что происходит в мире, велико искушение забиться в свою нору. Стакан мой невелик, но пью я из него³ – гласила мелкобуржуазная премудрость еще в XIX веке. Пандемия не исчезнет, она просто нормализуется, пополнит собой список обыкновенных бедствий. Болезнь останется достаточно опасной, чтобы пугать слишком нервных, и не такой смертельной, чтобы тревожить беспечных. Но она не единственная в перечне наших невзгод, за ней следует целая мрачная свита несчастий.

Конец света близок – таково настроение человека нашего времени: на фоне вооруженных конфликтов и природных катастроф все призывает нас не трогаться с места, замкнуться в маленьких сообществах и ждать, когда опустится занавес. На все эти реальные – нелепо отрицать! – проблемы следует один-единственный и неизменный ответ: уединение и страх. В этом смысле показательны слова организаторши коллективного ужаса Греты Тунберг: «Мне не нужна ваша надежда, не нужен ваш оптимизм, я хочу, чтобы вас охватила паника, чтобы вы почувствовали страх, который мучит меня каждый день» (Давос, 2019). Адепты Заката и Апокалипсиса хотят сковать нас ужасом, чтобы мы сидели по домам, и завладеть вниманием молодежи. Верен диагноз или нет, не важно, в любом случае, это признак состояния умов – таким

³ Цитата из драматической поэмы Альфреда де Мюссе «Уста и чаша». Перевод А. Мысовской. *Примеч. пер.*

оно было еще до пандемии, и она его лишь упрочила. Каком станет мир после пандемии? Это будет – точнее уже есть – мир ухода в себя, таково вероятное наследие вируса-шутника, который то затихает, то возвращается, и так без конца. Стоит ослабить защитные меры, как с неотвратимостью рока вспыхивает новая инфекция, поднимается новая волна, которая, в свою очередь, требует новых ограничительных мер, и так два года подряд. Закрыться внутри – таков припев – со знаком минус – наших дней, возврат к матрице дома-крепости, дома-колыбели, внутриутробного убежища. Этот вирус – не только ковид (который выступил лишь акушером), а пренатальная аллергия на внешний мир. Мы прожили два года посреди разных толков и слухов, устрашающих и ослабляющих волю. И чему же мы научились? Мыть руки. Огромное достижение, несомненно, но все же не бог весть что.

Глава 2. Банкротство Эроса?

Сорок лет назад СПИД сделал предохранение жизненно необходимой защитой от заражения. А со слюны сняли всякие обвинения, признали ее безобидным выделением, смешение которой символизирует счастливое слияние тел. Презерватив обеспечивал безопасную близость. Элементарная предосторожность спасла не одно поколение. С ковидом ничего похожего: вирус витает в воздухе и настигает вас где и как угодно. Ваш супруг мог подхватить его на улице от натужно дышащего бегуна или в супермаркете от чихнувшего, распылившего роковые частицы покупателя. И пошло-поехало, проклятие заработало, вся ваша жизнь зависит от приговора ватного тампончика с мазком из ноздри. Слово *pneuma* означало у греков божественное дыхание, дающее жизнь, изначальное дуновение, в христианстве ставшее Святым Духом. Теперь же дыхание стало потенциально смертоносным: теплый влажный выдыхаемый воздух может убить. Вдыхать запах любимого существа было наслаждением, а стало приговором. Это мгновенно охлаждает любовный пыл. Испытание ковидом показало, как же мы, сами того не сознавая, были счастливы прежде, каким невероятным было то, что представлялось нам самым обыкновенным.

Мы утратили беспечное отношение к простому насморку, к неизбежной зимней простуде. Запершит ли в горле, поте-

чет ли из носу – о ужас! Вдруг это что-то серьезное? Стоит кому-нибудь рядом с нами кашлянуть – мы, бросив все дела, шарахаемся от него, как от прокаженного.

Появится ли новая эротика на расстоянии, этакая «коронасутра» с разработанными медиками позициями? Познаем ли мы тактильный голод и удовольствие с экрана, как в «Барбарелле», допотопном фильме Роже Вадима (1968), где героиня занималась любовью, касаясь партнера кончиками пальцев? Теперь, когда желанное или соблазнительное существо снимает маску, мы возбуждаемся так, будто он или она начинает обнажаться. При этом есть риск, что открывшиеся лица разочаруют смотрящих, которых завораживали таинственный взгляд и чистый лоб. В публичных местах люди теперь не общаются, не беседуют, а лишь опасаются друг друга. От необходимых мер предосторожности (вакцины, пропуск, дезинфекция) до отказа от всяких контактов один шаг. Ковид воскресил две величайшие фобии современности: паранойю, боязнь другого, и ипохондрию, боязнь самого себя, уверенность в том, что наше тело несет в себе смертельную заразу или недуг.

Есть культуры, где вошло в норму воздержание от тесных контактов: в Азии в знак приветствия люди кланяются, сложив ладони, у них выработалась привычка жить кучно, и это не наш стадный конформизм, а искусство находиться в большой, в десятки миллионов общности. Эти людские потоки, то разлитые широким половодьем, то обмелевшие, имеют

свой смысл, свою логику, можно сказать, свой этикет. В Северной Америке люди обмениваются приветствиями, чтобы успешно избегать друг друга. Улыбаются не для того, чтобы завязать беседу, а чтобы дать знак: оставайся на своем месте. Я тебя заметил, и ты имей в виду, что вот он я, да иди своей дорогой. Попробуйте-ка там по-нашему, по-французски, чмокнуть женщину, которую вам представляют. Она передернется, будто ее лизнула жаба, и только из снисхождения к варварским обычаям чужестранца не подаст на вас в суд. Что до тамошнего *hug*⁴, то это вовсе не жаркое объятие, а протокольный, чисто символический жест: обниматься надо, вжав живот и избегая соприкосновений. Правда, и у нас традиционные поцелуйчики выходят из моды к большому облегчению тех, кому противно ощущать на щеке чужие слюнявые губы и слышать двух-трех-четыреждыкратное чмокание над ухом. Этот обычай сохранится в кругу семьи и между близкими друзьями и станет чем-то вроде ценности, которую забыли включить в список культурного наследия ЮНЕСКО. В этой области, как и во всех прочих, первенство переходит к мизантропам и пуританам.

⁴ Обнимание (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.